

популярный фильм «Ко мне, Мухтар!», с Ю. Никулиным в главной роли. По повестям «Сухарь» и «Алексей Иванович» тоже был снят фильм «Это случилось в милиции» (1962). По сценариям М. созданы также кинофильмы «Рядом с нами» (в соавторстве с Е. Катерли, 1957), «Врача вызывали?» (1976), «Беда» (1978).

Повести и рассказы М. в начале 1960-х были собраны в неоднократно издававшийся сб. «Обида».

В последние годы жизни М. работал над книгой воспоминаний.

Соч.: Конец детства: повесть. Л., 1936; Михаил Жаров. М., 1939; Разлука: повесть. Л., 1940; Товарищи. М.; Л., 1953; Учитель: Рассказы и повесть. Л., 1954; Первый урок: Повести и рассказы. Л., 1956; Обида: Повести и рассказы. Л., 1960 и 1962; По совести: Повести и рассказы. Л., 1965; Люди: Повести и рассказы. Л., 1968; Разные судьбы: Повести и рассказы. М., 1973; Пути житейские: Повести и рассказы. Л., 1974; Среди людей: Повести и рассказы. Л., 1979; Избранное. СПб., 1999.

Лит.: Константинов Н. Первые вещи // Лит. Ленинград. 1935. № 42. 14 сент.; Ольгина А. Конец детства // Лит. газ. 1936. 10 апр.; Дымшиц А. Конец детства // Резец. 1936. № 11; Войтинская О. О героях в жизни и лит. героях // Известия. 1941. 25 февр.; Козаков М. Молодые рабочие // Лит. газ. 1952. 24 мая; Асанов Н. Рассказы в «Новом мире» // Лит. газ. 1952. 29 мая; Светов Ф. Личное дело Мурата // Известия. 1960. 28 июня; Виноградов И. Об «куставных словах» и человечности // Новый мир. 1960. № 12; Виноградов И. Про собаку, которая любила, чтобы с ней разговаривали уважительно // Октябрь. 1960. № 12; Мунблит Г. Моя милиция // Лит. газ. 1960. 14 янв.; Лазарев Л. Доброта // Лит. газ. 1961. 2 марта; Крон А. О собаке или человеке // Искусство кино. 1965. № 1.

Г. М. Цурикова

МИЛЛЕР Лариса Емельяновна [29.3.1940, Москва] — поэтесса, прозаик, эссеист, критик.

Окончила МГПИЯ им. М. Тореза, автор книг «Безымянный день: Стихи» (1977), «В ожидании Эдипа» (1993; стихи и проза), «Земля и дом: Стихи» (1986), «Стихи и проза» (1992), «Стихи и о стихах» (1996), «Заметки, записи, штрихи...» (1997), «Между облаком и ямой» (1999).

Духовно сосредоточенная и просветленная лирика М. родилась из противостояния брежневскому застою с его «психушками» для диссидентов, из противостояния всему «безумию» советского времени, послевоенному антисемитизму, родилась ради защиты собственной личности, ради сохранения духовно-нравственных и эстетических ценно-

Л. Е. Миллер

стей прошлого, ради потребности исцелять средствами лирического искусства души др. людей, ради внесения гармонии, взаимопонимания, нравственной отзывчивости в души, чувства и сознание людей, внутренне опустошенных апокалиптическим декадансом ельцинского безвременья. Без связи М. с русским «безумием» не было бы ее медитативной и гармонически-просветленной лирики. Покинуть «безумную» Россию ради благоразумного Израиля или США для М. значит потерять языковую, духовно-нравственную и культурную почву, на которой родилось и развивается ее творчество.

Общий характер лирики М. и ее ценность достаточно точно определил наставник поэтессы А. Тарковский: «Л. Миллер — поэт гармонического стихотворения, а это было и будет драгоценностью во все времена. Язык ее поэзии — чистый и ясный до прозрачности литературный русский язык, которому для выразительности не нужно ни неологизмов, ни словечек из областных словарей: у нее нет ничего общего ни с футуризмом, ни с вычурностью какой-нибудь другой поэтической школы минувших лет. Это вполне современная нам реалистическая поэзия, а именно такая поэзия, на мой (читателя) взгляд, наиболее калорийная». (Лит. газ. 1993. 24 марта).

Реализм в поэзии М. — реализм лирический, типологически родственный реализму Баратынского, Ахматовой, Набокова, Г. Иванова, А. Тарковского, Кушнера... Любой поэтический реализм отчасти, в большей или

меньшей степени, близок к романтизму, к его устремленности к идеалам, но идеалам не мистическим, отвлеченно-возвышенным, божественным, утопическим, а земным, значимым как в повседневной, бытовой жизни, так и в жизни духовной, позволяющим не только стойко переносить житейские трудности, но и лирически-мудро, внутренне уравновешенно относиться к жизни и смерти, верить в светлое будущее. В лирике М. в качестве жизненно необходимых, целительных идеалов, помогающих преодолеть мрачные чувства и переживания, вызванные общественными или интимно-личными причинами, заставляющих поверить в то, что они преходящи, что после них наступит какой-то просвет и какое-то душевное облегчение и спокойствие, выступает обычно природа («Осенний ветер гонит лист и ствол качает. / Не полегчало коль еще, то полегчат. / Вот только птица пролетит и ствол качнется, / И полегчат наконец, душа очнется. / Душа очнется наконец, и боль отступит. / И станет слышен вещей глас в древесном хрусте / И в шевелении листьев. Под этой сенью / Не на погибель все дано, а во спасенье»), а также самые разные голоса жизни («Точно свет на маяке / Чей-то голос вдалеке. / Чей-то слабый голосок, / Как под ветром колосок. / Сквозь белесый полумрак / Я иду за шагом шаг, / Я иду, и не дышу, / И на голос тот спешу. / Отгорели все лучи. / Тихий голос, ты звучи. / В этом мире без лучей, / Дальний голос, чей ты, чей? / Глас людской ли, пенья ль птах, / Пенья ль ветра в проводах»). В роли идеалов для М. выступают голоса любимых поэтов, звуки музыки, образы мирового искусства, а со временем все больше и религиозные учения (Мейстера Экхарта и др.). Особенно нравственно и эстетически М. чутка к чужой боли, к страданиям др. людей, к совр. социальной ситуации, пагубно влияющей на человека. Прямых гражданских, публицистических откликов на социальную действительность в лирике М. нет (они есть в ее прозе, в ее газетных и журнальных заметках и статьях): поэтесса в стихах пишет только о том, как характер времени отразился в ее переживаниях и размышлениях философского порядка. Так, например, в стих. 1982 запечатлен скрытый, неозвученный драматизм времен брежневского застоя, его глухая тишина: «А на экране, на экране / И жизнь, и смерть; и слез, и брани / Поток; и лес вздытых рук, / Но нету звука. Дайте звук. / О, неисправная система: / Беззвучно губят, любят немо. / Как в неозвученном кино, / Стучу в оглохшее окно, / Зову кого-то и за плечи / Трясу, не ве-

дая, что речи, / Что дара речи лишена, / И вместо зова — тишина». В своей лирике М. реалистически запечатлевает свои личные и интимные переживания, а также гражданские чувства, вызванные как совр. общественными событиями, так и размышлениями об исторических событиях прошлого.

Лирика М. медитативна по своему характеру, в ней чувства и переживания органически связаны с размышлениями и уравновешены в динамической, внутренне подвижной гармонии; поэтесса, как правило, не исповедуется в своих чувствах и переживаниях, а стремится философски их осмыслить, понять их ритм, неизбежность смены страданий и отчаяний надеждами и упованиями на лучшее, счастья — несчастьями, любви — ее охлаждением и даже утратой, трагических событий — ожиданием лучших времен. Философский характер имеют размышления М. (в стихах и эссе) о назначении поэзии (и искусства) в целом и своей лирики в частности. В стих. 1983, имеющем программный характер, она писала: «Будто я Шехерезада, / И слагать стихи мне надо, / Потому что лишь слова / Мне дают на жизнь права. / Я о слове так радею, / Будто, если оскудею, / Замолчу, теряя нить, / Повелят меня казнить». Стихи пишутся для того, чтобы самому поэту выжить в тяжелейших условиях, нравственно и духовно не сломиться, сохранить и умножить свою жизнетворческую энергию и вместе с тем помочь своим поэтическим словом врачевать души др. людей, помочь им выжить, а любимому — даже спастись от смерти. Представив себя Эвридикой в роли Орфея, она говорит любимому: «Я верю в чудо, верю в чудо: / Я уведу тебя оттуда, / Из царства мертвых. На краю / Всего земного запово. / И песнь моя нездешней силы / Тебя поднимет из могилы. / Владыке Тартара кланюсь, / Что на тебя не оглянусь. / На всем пути из мрака к свету / Не оглянусь, верна обету. / Иди за мной, иди за мной. / И на поверхности земной / Не удержу тебя ни словом, / Ни взглядом. К горизонтам новым / Пойдешь, забудешь голос мой,— / Мне б только знать, что ты живой».

Религиозные взгляды М. не связаны с какой-то определенной конфессией, ее представление о Боге связано с чувством вечности, с созерцанием Его (а не действенным устремлением к Нему) как идеального, светлого духовного начала. Бог, по ее мнению, высканному в стих. «Пена дней, житейский мусор...», сотворил «не мир, а лишь сырец, / Чтоб, томим духовной жаждой, / Мир творил земной творец», то есть творческий человек,

созерцающий Бога как идеал. Г. С. Померанец, высоко оценивающий творчество М. в целом, особенно ее прозу, но неадекватно воспринявший это ее стих., попытался опровергнуть мнение поэтессы как ересь в статье «Молитвы художника» (См.: Померанец Г. Страстная односторонность и беспристрастие духа. М.; СПб., 1998. С. 96–100).

Проза М. имеет в основном автобиографический характер, лит.-критические статьи, эссе и заметки посвящены главным образом любимым поэтам (Мандельштаму, Г. Иванову, Набокову, Пастернаку, А. Тарковскому, рано погибшему молодому поэту Илье Тюрину и др.), раскрытию собственных эстетических взглядов и духовно-религиозных идеалов.

Соч.: Стихи и проза / предисл. Г. С. Померанца, З. А. Миркиной. М., 1991; Между облаком и ямой. М., 1999.

Лит.: Кузовлева Т. Зонт, танцующий на краю бездны: [рец. на кн: «Заметки, записи, штрихи»] // Лит. газ. 1997. 29 окт.; Бек Т. Отважная весть: [рец. на кн: «Между облаком и ямой»] // Лит. газ. 2000. 2–8 февр. С. 10; Галина М. Из книжных лавок // Арион. 2000. № 2; Чайковская В. Все неверно (М. Галина. Из книжных лавок) // Арион. 2000. № 2) // Знамя. 2000. № 11.

М. Ф. Пьяных

МИНСКИЙ Николай (настоящее имя Николай Максимович Виленкин) [15(27).1.1856, с. Глубокое Виленской губ.— 2.7.1937, Париж] — поэт, драматург, переводчик, публицист.

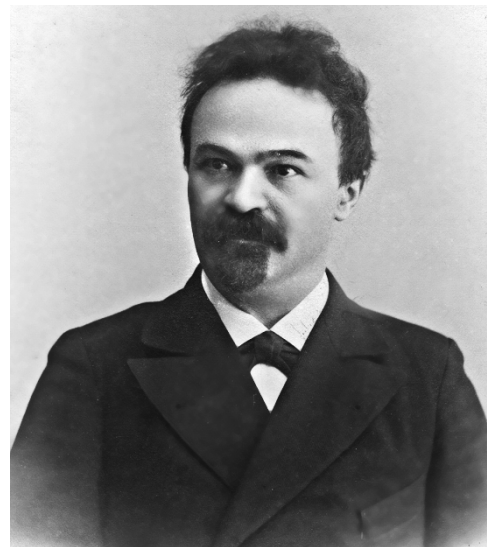
Родился в небогатой еврейской семье. В 1875 окончил с золотой медалью минскую гимназию. В том же году поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та; успешно завершив курс в 1879, получил степень кандидата прав. Но карьера юриста не прельщала М. Печататься начал в 1876, опубликовав стихи в «Ж. русских романов и путешествий», в газ. «Новое время» («Сон славянина»).

Характеризуя творческую судьбу М., Блок отмечал: «...стихи его захватывают несколько эпох, в них отразилось безвременье не только восьмидесятых и девяностых годов, но и годы русской революции, а душа поэта прошла как будто путь еще длинней и радостней — от „гражданских песен“ до „песен любви“, от Надсона до Вл. Соловьева» (Блок А. СС: в 8 т. Т. 5. С. 277). Влияние «скорбной музыки» С. Надсона на раннего М. не вызывало сомнений у критиков.

Народнические мотивы, связанные более всего с поэзией Некрасова и Плещеева, нередки в ранней лирике М. (поэма «На роди-

не», стихи «Наше горе», «В деревне», «На чужом пиру» и др.), но в определенной мере прав был критик С. А. Андреевский, утверждая, что либерализм молодого поэта носил скорее общечеловеческий характер. Оценивая позднее свои первые произведения, М. писал, что в них выразилась боль «сгорания... на костре любви — к народу, к человечеству...» («О себе», 1922). Довольно широкую известность обрела напечатанная в подпольной газ. «Народная воля» драматическая поэма М. «Последняя исповедь» (1879), которая нашла отражение в картине И. Репина «Отказ от исповеди перед казнью» (1879–85). Поэма написана в форме диалога между приговоренным к казни юношей-революционером и священником, пришедшим в каземат со словами прощения и утешения. «Не отвергай последний дар любви — / Земной залог Господня примиренья. / Покайся, сын, в грехах...» — просит священник. Осужденный в ответ «кается» в том, что он горячо полюбил «бедных и голодных», что не считал добро «несбыточной сказкой», что «к врагам народным всю жизнь пылал священной враждой», что, «родившись меж рабами», хочет умереть свободным. Гневно обличая «Божьих слуг», которые «с сильнейшими в союзе», он отказывается просить прощения у Всевышнего. Потрясенный священник уходит, уступая место палачу. Поэма, естественно, вызвала резкое недовольство властей.

Тираж первого сб. М. «Стихотворения» (1883) был почти полностью уничтожен по

Н. Минский